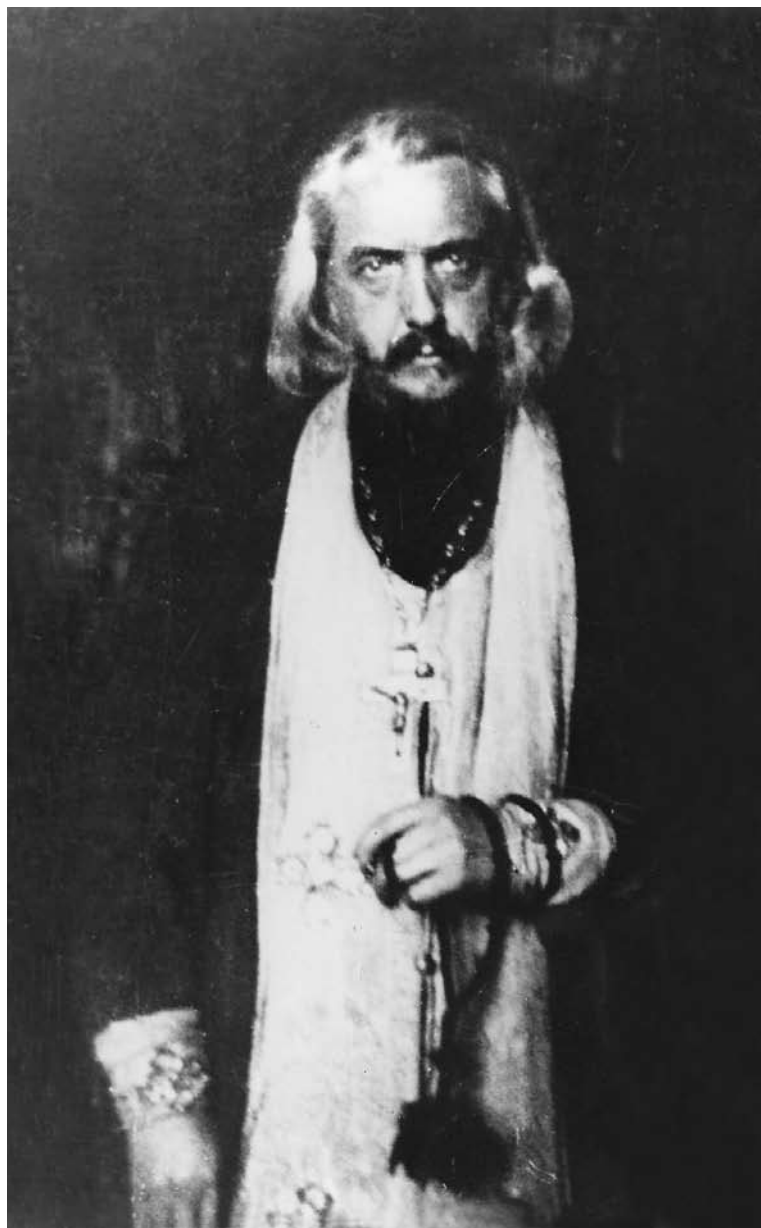

Архимандрит Серафим (Батюков)

О наставниках и учителях

Основы веры были заложены в семье: матерью, теткой и их друзьями — духовными детьми архимандрита Серафима¹ (Батюкова) и «маросейскими»².

Отец Серафим умер довольно рано, в сорок втором году, и я с ним виделся мало. Я запомнил общение с ним, исповедь у него, комнату во всех подробностях. Это происходило на квартире у Сергея Иосифовича Фуделя (автора книги о Флоренском, сына священника Иосифа Фуделя). Это было в Загорске, где мы жили в то время.

Мое детство и отрочество прошли под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил у схиигуменьи Марии³, которая во многом определила мой жизненный путь и духовное устройство. Подвижница и молитвенница, она была совершенно лишена черт ханжества, староверства и узости, которые нередко встречаются среди лиц ее звания. В ней было что-то такое светлое, серафимическое. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима или Франциска Ассизского. Она недаром всегда, в любое время года, напевала «Христос воскрес».

¹ Архим. Серафим, в миру Сергей Михайлович Батюков (1880–1942). В 1928 г., не приняв «сергианство», перешел на нелегальное положение. У него крестились мать о. Александра, он сам и его тетя В. Я. Василевская. Подробнее об архимандрите Серафиме см. в кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

² «Маросейские» — прихожане храма святителя Николая на Маросейке, в которой служили прав. прот.

Алексий (1859–1923) и его сын священномученик прот. Сергей Мечевы (1892–1941) (канонизированы в 2000 г.). Подробнее о них см. в кн.: «Маросейка». М., 2001.

³ Схиигуменья Мария (1879–1961) принадлежала к Катакомбной церкви. Проживала близ Троице-Сергиевой лавры, была настоятельницей небольшого тайного женского монастыря. Воспоминания о ней см. в кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

Схиигуменья Мария

Дом схиигуменьи Марии в Сергиевом Посаде (бывшем Загорске)

Матушка впервые дала мне читать Библию. Конечно, я имел достаточно ясное представление об общем ходе Священной истории: раньше у меня была «Священная история», я читал какие-то отрывочки — мама мне читала. А матушка мне принесла большой том и сказала: «Ну вот, читай». Я говорю: «А как?» — «Прямо так вот, бери сначала — и читай». И я стал читать... К тому же у нее оказался альбом картин Доре, и картинки мне очень помогали. Тогда меня особенно привлек Апокалипсис, я даже написал на него «толкование».

Что я извлек из общения с ней? Она была монахиня с ранних лет, очень много пережила, много испытала в жизни всяких тягот, но она сохранила полностью ясный ум, полное отсутствие святошества, большую доброжелательность к людям, юмор и, что особенно важно, — свободу. Никогда не забуду: когда я был маленьким, матушка говорила: «Сходи в церковь, постой, сколько хочешь, и возвращайся», — она никогда не говорила: «Стой всю службу». И я шел в Лавру и стоял довольно долго. Наверное, если бы матушка сказала: «Стой всю службу», — то я бы томился. Я не очень любил длинные лаврские службы. Это я вам говорю искренне, вполне откровенно. Но чаще всего я стоял всю службу, потому что мне была дана возможность уйти когда угодно. Матушка

редко, так сказать, морализировала. Она мне всегда рассказывала какие-то бесконечные истории — фантастические и реальные, бывшие с ней или еще с кем-то. Они были как притчи — из каждой можно было извлечь какой-то урок.

* * *

Был еще Борис Александрович Васильев¹ — старинный друг нашей семьи, который оказал на меня большое влияние.

Его приход был всегда своего рода праздником. Хорошо помню его высокую фигуру, внушительные интонации, спокойную логику его рассуждений. Трудно было поверить, что над ним постоянно висит дамоклов меч. Это был не только человек глубокой веры, но и подлинный ученый. Все интересующие его проблемы он исследовал обстоятельно, неторопливо, придерживаясь строго выверенных методов и фактов. Он не изменял своим установкам, о чем бы ни шла речь: о Древнем Востоке, этнографии или литературоведении. Великолепно знал культуру Египта и Вавилона и часто рассказывал мне, тогда еще школьнику, о связи между Востоком и Библией. Помню, как однажды он читал мне древнеегипетский текст и объяснял, чем он отличается от Священного Писания и что у них общего. На суд Борису Александровичу я приносил и свои первые юношеские «опусы».

Он работал в университете, на кафедре этнографии; преподавал историю Древнего мира, читал лекции по Древнему Египту и Вавилону. Именно он поддержал мой интерес к Древнему Востоку, у него я брал книги. Борис Александрович был из прихода Мечевых. У него были периоды и ссылки, и тюрьмы. Потом был реабилитирован, принял сан, но служить не мог: были разные внешние препятствия, и так до конца, до пенсии... Никто в университете не знал, что Борис Александрович — священник.

Будучи антропологом, Васильев признавал обоснованность эволюционной теории происхождения человеческого тела и психики; но как богослов, он был убежден в особом высшем происхождении духа в человеке. Для него не существовало противоречия между наукой и религией, которые с его точки зрения лишь дополняют друг друга. Духовную жизнь, которую Васильев обрел в маросейской общине, он считал важнейшей школой, которую не могут заменить никакие знания.

¹ Свящ. Борис Васильев (1899–1976) после о. Николая Голубцова был духовником о. Александра.

Иерей Борис Васильев. Рисунок Александра. 1957 г.

Он опубликовал только одну работу: о культе медведя на Дальнем Востоке, у урочей. Работа касалась дальневосточных народов и тотемизма. Когда Борис Александрович был в ссылке, он собрал там материал, довольно неплохой. Это было где-то на Востоке. Потом он туда ездил, принимал участие в экспедициях. Больше он почти ничего не писал.

Любовью его жизни был Пушкин. Он всю жизнь изучал Пушкина и в конце своих дней начал писать книгу о Пушкине; она осталась незавершенной, но все-таки основные мысли были там высказаны.

Борис Александрович высоко ценил наследие русских религиозных мыслителей. Именно он привил мне любовь к Вл. Соловьеву, С. Булгакову и Н. Бердяеву в те далекие годы, когда о них у нас почти никто не знал.

Б. А. Васильева и его жену, Татьяну Ивановну, тонкую одухотворенную женщину (она была логопедом, лечила детские дефекты речи), всегда окружали друзья из маросейской общины. Эта община не распалась даже десятилетия спустя после смерти отца и сына Мечевых. В конце 40-х и начале 50-х годов у Бориса Александровича в старинном доме на Молчановке, близ Арбата, систематически устраивались чтения и семинары по вопросам духовной культуры, занятия для детей. Вспоминаются вечера, посвященные Пушкину, Чехову, раннему христианству, уроки Закона Божия, которые вела Татьяна Ивановна. С ней мне приходилось много общаться, и она тоже очень много мне дала...

А ведь все это происходило в зловещие сталинские годы! Однако Васильев и его близкие слишком ясно сознавали свой долг — донести эстафету до новых поколений, не отступить под давлением страха. Пережив многие невзгоды, всегда ожидая новых репрессий, они, не колеблясь, шли по выбранному пути. И мы — младшие — обязаны им больше, чем это можно выразить...¹

* * *

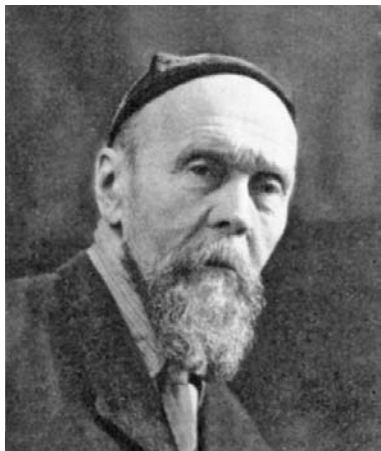
Работы Василия Алексеевича Ватагина, скульптора-анималиста, были мне дороги с раннего детства (иллюстрации к «Маугли» и др.). Я видел, что он понимает саму душу животного. В его скульптурах и рисунках

¹ Книга свящ. Б. Васильева «Духовный путь Пушкина» была опубликована в Москве в 1994 г. Данный фрагмент воспоминаний взят из предисловия С. С. Бычкова к этой книге. Кроме того,

о. Борис — составитель книги: «Мечев Алексей. Проповеди, письма, воспоминания о нем». Париж, 1989. Рукопись в начале 1970-х гг. была переправлена в Париж о. Александром.

Алик. 1944 г.

Василий Алексеевич Ватагин

была та зоологическая мистика, которая была мне родственна всегда. И еще я чувствовал (как потом и подтвердилось), что он раскрывал образ животного «изнутри» с помощью средств древневосточного искусства, которым я увлекался.

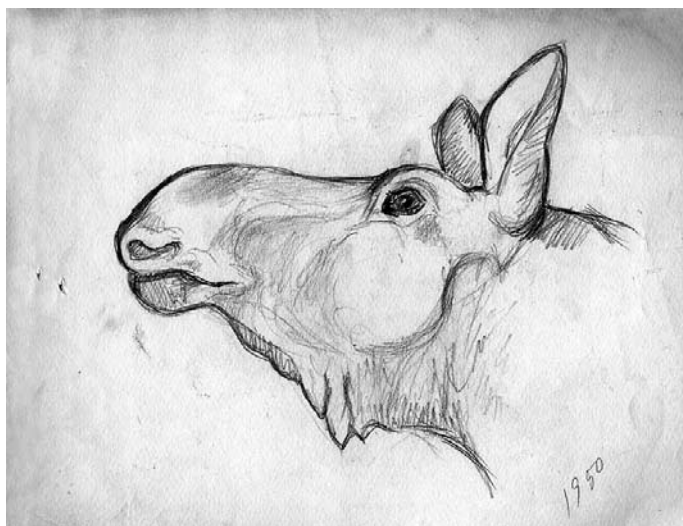
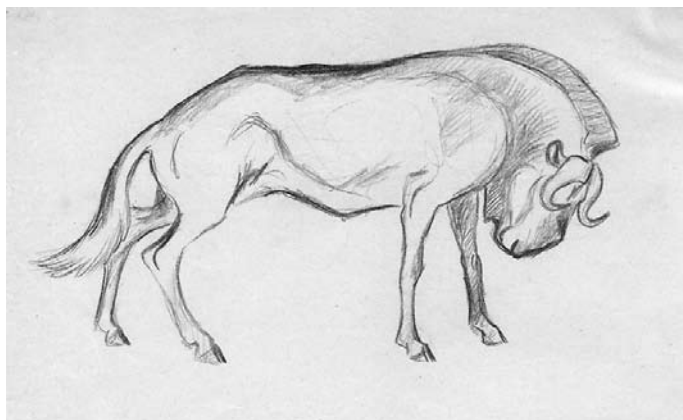
Впервые мы с ним встретились в 1950 году (привела меня к нему сестра академика Баландина). Меня поразила сначала его скромная внешность: сухонький старичок с редкой бородкой, с дребезжащим голосом, в тибетейке (было в нем что-то от Рериха). Это казалось контрастом с той первобытной

мощью, которая жила в его творениях. Я стал еженедельно ходить к нему на уроки. Он писал картины в Зоологическом музее на [улице] Герцена. С жадностью следил я за самим процессом его работы. Это дало мне больше, чем любые слова и книги.

Он был простой, добрый, задушевный, какой-то детский. Было сталинское время. Все друг друга боялись. Но он был со мной, пятнадцатилетним мальчишкой, откровенен. Помню, с какой иронией он отзывался о заказе написать орла в подарок Сталину от музея (помню и орла этого). Рассказывал он много о своей жизни и понимании зверей. Они его любили. Один раз даже на улице воробей сел к нему на руку. Помню, он говорил, как похожи оказались новооткрытые мозаики [Киевской] Софии на врубелевские картины.

Его мастерская была чудом. Все эти животные были не только живы, но и казались одухотворенными. Он учил меня видеть в фигуре животного основную конструкцию, скелет, лепку мускулатуры. Я по четвергам рисовал скелеты вымерших тварей в Палеонтологическом музее, а в пятницу шел к нему. Он сам показывал мне, как делается реконструкция.

Во всем, что он делал и говорил, меня удивляла простота. Позднее я узнал, что он увлекается теософией, и, уже будучи священником, я с ним говорил о вере. Он не был фанатиком, просто очень любил Индию и охотно принимал все, что от нее исходит. Как-то он в недоумении спросил меня: а что с этим будет в Царстве Божием? Он имел в виду

Рисунки Александра, сделанные во время учебы у художника Ватагина. 1950–1951 гг.

Валентина Сергеевна Ежова

свои произведения. Я высказал мнение, что все прекрасное, созданное человеком, причастно духу и в каком-то смысле приобщено бессмертию (эту мысль я нашел и у Д. Андреева). О Царстве Божием мы говорили в связи с различием взгляда на мир и его динамику в Индии и в Библии. Он слушал внимательно и не возражал. Догматиком в теософии он не был. И не создавал своих концепций, как Рерих.

* * *

Была еще одна замечательная женщина — Валентина Сергеевна Ежова, которую я считаю для себя очень дорогим человеком, оказавшим на меня влия-

ние в детстве. Это была пожилая дама, детский психиатр и педагог; она никогда не работала, поскольку в юности, после университета, перенесла туберкулез костей. Она очень долго лежала. Потом, когда встала, частным образом воспитывала трудных детей. Валентина Сергеевна рассказывала, что подняла и подготовила в институт девочку, которая имела болезнь Дауна, что, конечно, является чудом. К Валентине Сергеевне приходили разные «идиотики», не говорящие, не умеющие даже одеваться... Она их «вытягивала».

Конечно, талантище был огромный. Но мировоззрение у нее было крайне спутанное. В юности Валентина Сергеевна училась вместе с моей теткой в университете. Была ученицей Челпанова и других видных психологов того времени. Она очень увлекалась литературой йоги, преимущественно по книгам Рамачарака и других авторов, которые тогда выходили. Она создала собственное мировоззрение, такое самодельное, оно было слеplено из кусков йоги и чего-то еще. Но в чем-то она мне помогла — мы с ней без конца диспуты вели. Мои родители были в ужасе от этого, потому что она совершенно забывала, что мне двенадцать лет, и начинала на меня давить (представьте себе: такая мощная женщина с лицом Эммануила Канта — белые волосы, огромного роста, очень резкая). Я помню, какая с ней спорил — прямо на равных! И это давало мне возможность выяснить некоторые проблемы.

Созерцание деятельности. Рисунок В. С. Ежовой

Она говорила о перевоплощении, о сатане, о тайне дьявола, но я уже сам начинал разбираться, быстрее соображать.

В ее мировоззрение входил психоанализ, Фрейд. Тогда никто слыхом про это не слыхал, а она читала Фрейда в годы своей молодости. (Как раз в двадцатые годы, когда она училась, выходил Фрейд в переводах Ермакова. Конечно, она это все читала и изучала.) И она меня во все это толкала.

Так вот, эта Валентина Сергеевна Ежова подарила мне первую книжку по библейской критике. Какой это был год? Я думаю, год сорок восьмой или сорок девятый, а может быть и раньше. Это была книга о Ренане: «Ренан и его “Жизнь Иисуса”» Ряшенцева¹. Мои родители очень возмущались: «Что же это вы такую гадость ему даете?» Но не давили — возмущались, но все это разрешали мне читать. Я радостно вцепился: оказалось — вовсе не гадость, а хорошая книга.

Валентина Сергеевна жила с племянницей. Детей у нее не было, замуж не выходила. Была интересной художницей — рисовала такие стилизованные картинки. У меня одна висит дома, «Созерцание деятельности» называется... Звучит мрачно, но у нее всегда так.

Потом я к ней приезжал, ее причащал. Внешне она уже была внутри Церкви, хотя с перевоплощением никак не могла расстаться. Всегда мне говорила: «Куда же деть все души?» Я ей отвечал: «Что же, у Бога мало места, что ли? Если души раскидать по Млечному Пути — если даже они вещественны, эти души, — то все равно он пустым останется. Пусть, допустим, каждая душа в пространстве величиной с футбольный мяч. Сколько миллиардов душ!? Да одной галактики не займут!»

* * *

Когда мне было лет 15, произошло короткое знакомство с отцом Андреем Расторгуевым², который служил в храме в Сокольниках; оно очень много мне дало. Это был человек искренней веры, ума, добротных знаний и без ханжества (увы, Левитин³ пишет о нем иное, но я тогда этого не чувствовал).

¹ Архиеп. Варлаам (Ряшенцев) (1878–1942?), русский православный богослов. Упомянутая книга — «Ренан и его “Жизнь Иисуса”». 3-е изд., Полтава, 1908.

² Прот. Андрей Расторгуев (1893–1970). В 1923 г. ушел в обновленческий

раскол. В 1943 г. после принесения покаяния был поставлен настоятелем Воскресенского храма в Сокольниках. С 1951 по 1954 г. о. Андрей служил в Берлинской епархии.

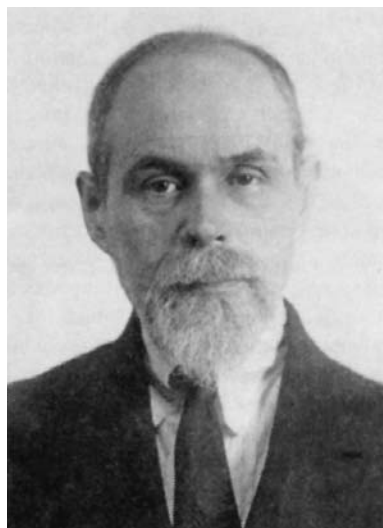
³ А. Э. Краснов-Левитин. «Дела и Дни». «Поиски», 1990.

...К Николаю Евграфовичу Пестову¹ я пришел уже с какими-то определенными взглядами. Он был профессором Менделеевского института, химиком, доктором наук. У него бывало много людей, с которыми он общался. Вообще у него было призвание к священству, но, поскольку он имел какие-то канонические препятствия (второй брак, кажется), он не стал священником.

Когда я к нему пришел впервые, вошел в кабинет, где была масса икон, и вдруг увидел на столе Терезу, Маленькую Терезу², это было как бомба! Тогда (это был, может быть, пятьдесят второй или пятьдесят первый год) никто о ней

слыхом не слыхал. Сам он, когда писал книгу об Апокалипсисе, в основном питался антирелигиозной литературой о Ватикане. То есть у него было некое экуменическое настроение, когда и слова «экуменизм» у нас никто не знал. И на этом мы с ним как-то сблизились и сошлись. Правда, в последние годы он, кажется, от этого отошел (и Терезу убрал, как мне говорили). Уже тогда это был пожилой человек — он умер сильно за восемьдесят.

Николай Евграфович написал многотомную книгу о христианской нравственности, которая называлась «Путь к совершенной радости»; она ходила по рукам. Книга эта как раз мне не очень понравилась, хотя там было много материала; она в основном состояла из цитат, взятых у различных писателей. Есть там разные аспекты — например, христианский брак, много хороших цитат, но просто, как всякое нравственное богословие, оно всегда немножко более скучное, чем нравственность сама.

Николай Евграфович Пестов

¹ Николай Евграфович Пестов (1892–1982), доктор химических наук. Его труды изданы в 3-х томах под общим названием «Современная практика православного благочестия». СПб., «Сатис», 1994–1995. Подробнее о нем см. в кн.: «Серафимово благословение». М., 2002.

² Тереза из Лизье (1873–1897), французская монахиня-кармелитка. В XX в. широкую известность получила ее духовная автобиография «История одной души». Рус. пер.: Париж, «Соль земли — Свет мира», 1955.

2-й класс школы № 554, Александр Мень — второй справа во втором ряду

Но все-таки он в чем-то укрепил мое экуменическое настроение, потому что до этого я не встречался ни с одним человеком, который бы эти вещи как-то понимал. И, кроме того, в области истории Церкви он первый четко заговорил о том, что надо отличать существующую Церковь внешнюю от той тайны, которая в ней живет. И я это чувствовал, но для меня это было проблемой в те годы.

В общем, у меня на самом деле было много учителей. Но в школе учителей таких не было.

* * *

Я учился в 554-й Московской мужской школе (напротив Плехановского института). Воспоминания о школе (1943–1953) довольно мрачные: я учился в школе, где были голодные учителя, где ученики собирали крошки хлеба, где совершенно дикий директор был похож на Карабаса-Барабаса, где учителя часто походили на садистов — у нас учителя литературы так и назывались: «фашисты».

Школа и сейчас существует. Она внешне очень похожа на тюрьму. Я не помню большего отвращения в жизни, чем хождение туда, — самое гнусное впечатление за всю жизнь.

А школа была обыкновенная: палочная дисциплина, нас водили всех «шагом, марш!» — война... Мы школу ненавидели! Всеми фибрами души. Сколько хватало сил.

Поскольку я кое-что почитывал, то уже во втором классе что-то соображал. Я спросил у нашей учительницы (когда она нам описала штурм Зимнего), что такое «юнкера». Она ответила, что «так назывались собаки Временного правительства». Я понял, что глухо дело...

Я слышал от учителей глупости, я понимал, что говорят чепуху. Это было крушение. Я сталкивался с учителями духовно нищими, которым нечего было нам сказать. Помню, учитель истории, чудесный человек, — он приходил, вытаскивал из кармана тетрасточку и прочитывал по ней то, что было написано в учебнике. А поскольку наш учебник был переписан с дореволюционного, с некоторыми искажениями, то получалось очень смешно: я приносил старый дореволюционный учебник и следил по нему... Но я его не сужу, он был хороший человек. Это было такое время, он боялся отступить куда бы то ни было.

Все, что в школе говорилось, я воспринимал наоборот. Но ни на чем не настаивал — потому что понимал, что это рабская мертвящая система, что мы все — идиоты, начиная с директора и кончая

последним учеником, что нам деваться некуда и что все, от начала и до конца — ложь.

В четвертом классе я жил уже в полной оппозиции. Не вступал даже в пионеры: будучи старостой класса, я надеялся избежать этой унижительной процедуры, и потом, когда меня потащили насильственно и поставили перед классом, все сделали «зиг хайль» и произнесли эту клятву, — я просто стоял, опустив руку, и молчал. И, надо сказать, в школе испугались шума, потому что время было сталинское — смели бы всех, вместе со школой; поговорили — и так и заглохло. Вызывали маму, она мне сказала: «Поступай, как хочешь», — она же понимала, что это формализм; и я понимал, но все равно не хотел — у меня слишком велико было какое-то инстинктивное отвращение.

Я и сейчас считаю, что ни комсомола, ни пионерии не существует. Это миф. Когда-то это была организация, но она была до того, как я родился на свет. А потом это стало просто возрастной категорией: такой-то возраст — ты считаешься пионером, такой-то — ты комсомолец. И все. Хотя и поют: «Комсомол не просто возраст, комсомол — моя судьба». Но, в общем, это возраст (и соответственно — судьба). Тут не о чем говорить: человек автоматически становится комсомольцем, так сказать, в процессе половой зрелости — это почти одно и то же.

Кстати, формально в уставе комсомола не сказано, что ты должен быть обязательно атеистом; там написано: «бороться с религиозными предрассудками». Мы, верующие, боремся с ними с гораздо большим энтузиазмом, чем атеисты: атеистам наплевать, а нам неприятно, когда есть религиозные предрассудки.

Из учителей с благодарностью вспоминаю двух-трех человек. В четвертом классе была пожилая учительница, разведенная. Мы всегда к ней ходили домой — у нас там был клуб «Совершенно Знаменитых Капитанов». Она как-то растворилась в этих детях. Это на всю жизнь осталось.

Я их всех водил в церковь, вместе с ней, во главе. Но это было недолго. Потом она мне сказала: «А ты знаешь, Алик, я в церковь перестала ходить». И я почему-то счел неудобным спросить ее: почему? Я понял, что это скорее из страха. Тогда было неопределенное время, сталинское; неизвестно было вообще, куда повернет колесо истории. Все-таки она продолжала собирать ребят.

Я кончил школу в год смерти Сталина и сказал себе, что моя профессия любая, только учителем не быть: трудно, чтобы тебя так

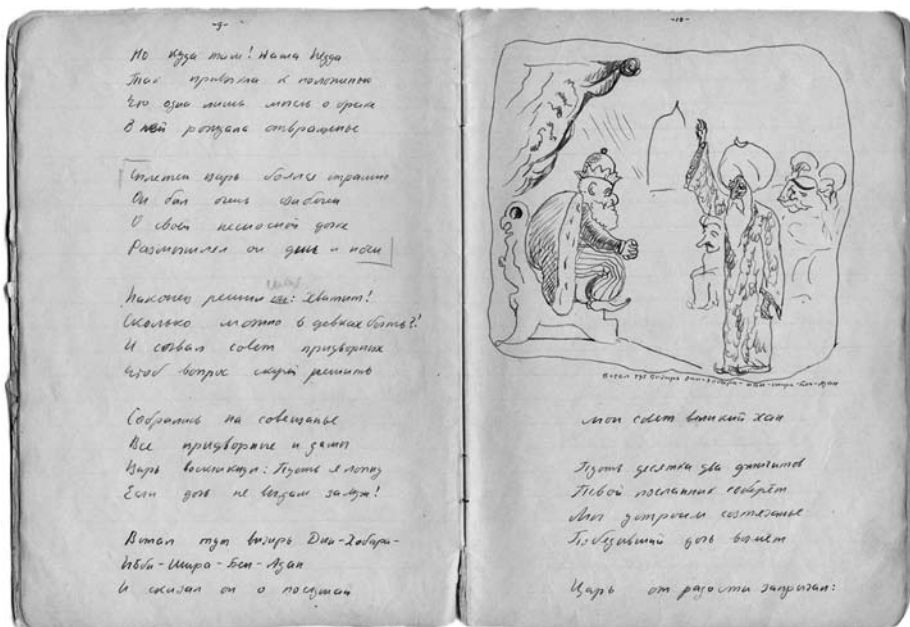
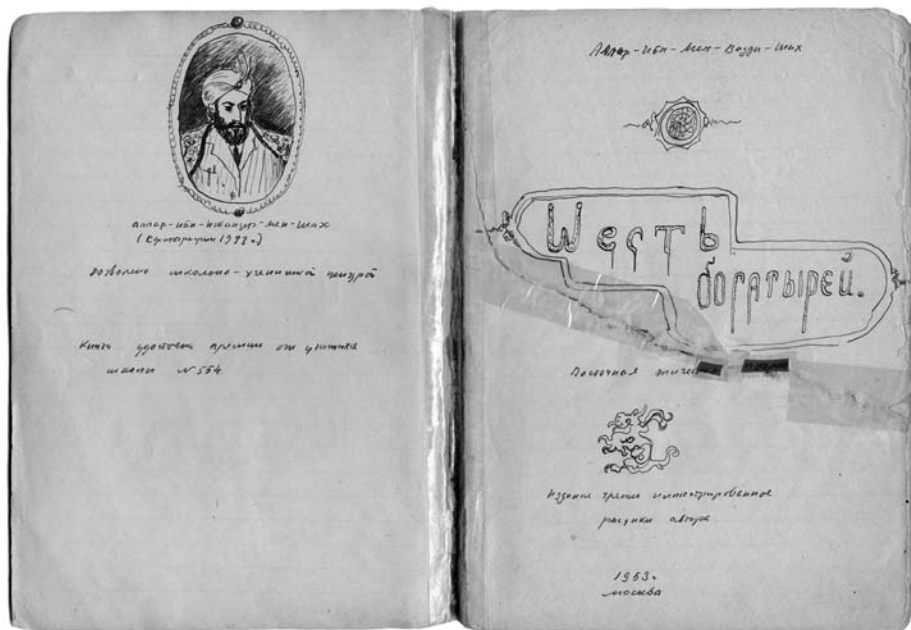

Ученики 4-го класса с учительницей Анной Степановной (?), которую с благодарностью вспоминал Александр

ненавидели — потому что мы все ненавидели учителей, и им тяжело было с нами...

Но все-таки из нашей школы вышли Тарковский и Вознесенский, которые учились на класс старше; младше меня был будущий священник Александр Борисов... Еще кое-кто: очень известный кардиолог Серегин, который работает в Институте Вишневского; арабист-востоковед Озолин (с ним мы в одном классе учились). А так, от школы — ничего, кроме негативных воспоминаний. Учился я без особого энтузиазма, было неинтересно...

У меня были учителя другие, не в школе; у меня были живые примеры, живое общение с людьми, которые были ровесниками моих родителей. Это люди, которые в то время прошли уже через лагеря, через все. И я, будучи ребенком, общался с ними, наблюдал, беседовал, видел. На них и воспитывался.

Страницы тетради с сатирической поэмой о школе «Шесть богатырей»

Александр, Павел, Мария Куприянова (дочь о. Бориса Васильева) и Елена Семеновна на даче под Москвой (ст. Отдых)

Группа вооповцев (Александр в центре). День птиц в Московском зоопарке. 1952 г.

Осиада

*Сиречь страшная и ужасная
повесть
о бывшем некогда
Всероссийском обществе
охраны природы¹*

*Безумству храбрых
поем мы песню!...*

Горький

¹ Поэтический рассказ об эпизоде в среде юннатов, сочиненный и проиллюстрированный Александром в школьные и студенческие годы; взят из рукописной тетради (архив Фонда).

Историческая справка

*Со знойного юга я перетащу тебя,
читатель, в мир происшествий городских
будней. Все, что услышишь ты здесь, почти
до мелочей подлинная (не завуалированная)
истина. Для вящей убедительности дам
несколько исторических справок:*

*1) ВООП — это Всероссийское общество
охраны природы — захиревшая организация
(адрес: проезд Владимирова, дом 6).*

*2) П.П.С — Петр Петрович Смолин, старый
аферист, руководитель юношеской секции
общества, враг свободы и «друг детей».
Ныне сотрудник Дарвиновского музея.*

*3) Иуда — Юлия Маркина — тогда учащаяся
школы № 113. После ряда преступлений она
была выгнана и скрылась во мраке.*

*4) Оса — Объединенный союз
авантюристов — компания друзей,
называвших себя осами. История этих
деятелей описана в поэме «Осиада»,
которая впервые увидела свет в годовой
юбилей Осы в 1951 г.*

*У лукоморья тощий кот
Все песню старую поет
Про королей, да про царей,
Да семерых богатырей.
Довольно врать про старину,
Напомню вам я быть одну.*

*Однажды старый враг небес
Хромой и волосатый бес
По дряхленькой земле блуждал
И поэтично тосковал.
Ему наскучила халтура,
Он жаждал крупной авантюры.*

*Вдруг видит бес — стоит ВООП,
Пернатым друг, а кошкам гроб.
О'кэй! — вскричал рогатый плут, —
Поживы будет много тут!
И в ад отправившись скорей,
Он на совет созвал чертей.*

*Он начал: Джентльмены черти!
Ужель вы не боитесь смерти?
Ведь план нам нужно выполнять
И все старанья напрягать,
Чтоб благоденствовал обман
В толпе бесхвостых обезьян.*

*Но нам, друзья, бороться надо,
Ведь есть у нас одна преграда.
ВООП над нами процветает
И землю в Тартар превращает.
Войну объявим конкурентам!
ВООПу смерть! (Аплодисменты.)*

*Шумел весь ад, дрожали стены,
Из пастей ж их летела пена...
Тут Сатана, восстав, сказал:
— Друзья, мне опыт подсказал,
Что надо вызвать инцидент,
И да погибнет конкурент.*

*И порешили все потом.
А тут как раз в ВООПе том
Была компания одна.
Осой, друзья, звалась она.*

*Осиаты, или просто осы,
Хотя и не платили взносы,
По воскресеньям собирались,
Смеялись, пили и питались.*

*Во избежание сомнений
И прочих всех недоумений,
Не разглашались те собрания,
Поскольку общего признанья
Оса в ВООПе не добилась
И осторожно затаилась.*

* * *

*О ты! Безглазая Фортуна!
Зачем ты есть в стране подлунной!
Но слава уж твоя померкла,
Тебя наука опровергла.
Как древний змей среди цветов
Подарок твой Осе готов.*

* * *

Раз в снежный зимний вечерок
Осиный собрался кружок.
Была средь нас одна Иуда,
Она молчала, и посуду
Нам в мрачном настроеньи мыла
И злую мысль в душе таила.

Ей нашептал на ухо бес
Пойти в тот вечер к П.П.С.
Она пошла и все сообщила,
Осу помоями облила,
И ад ее речам внимал
И с Сатаной ликовал.

И стали бедные осисты
Воры, бандиты, нигилисты,
Стиляги, подрывная банда
И темных личностей команда.

* * *

*Раз в М.Г.У. собрались дети
Доклад заслушать дяди Пети
О том, как птичек содержать
И на гнездовья привлекать.*

*В момент, когда доклад начался,
Один субъект туда примчался,
Его я называть не буду,
Так же как нашего Иуду.*

*Он заревел, сверкнув глазами —
Двумя горящими углями.
Скажите, сколько вас в Осе,
Об ней давно уж знают все.*

*Но это благо лишь начало,
Оса совсем по швам трещала,
Но нам ли, братцы, унывать,
Нам на несчастья наплевать.*

*Рекламой грянул слет трескучий.
Скворешни, старых чучел кучи,
Плакаты: охраняйте птиц,
Рисунки дятлов и синиц.*

*Поднялся занавес с дровами,
Предстал президиум пред нами,
А сзади тряпки вниз свисали,
Зеленый лес изображали.*

*Доклад Gladкова. Та же тема.
Скрипела нервная система,
Когда кормили снова нас
Халтурой старой в сотый раз.*

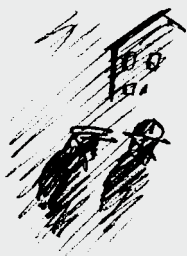

*Вот слет окончен. Бразжа¹ Ос
Ползет со смехом на мороз.
И вдруг Иуда подбегает
И всех осистов приглашает
К себе на вечер (смех и стыд!
Но разум глупости простит).*

¹ Бразжа — веселая компания.

*Она нас долго приглашала,
Чем только можно обольщала,
И мы придти решили к ней.
Итак, друзья, прошло пять дней.*

* * *

*Лишь только ночь Москву накрыла,
Москва окошки засветила,
В проулках фонари зажглись,
А мы к Иуде собрались.*

*Едва вошли, едва разделись,
Тотчас пластинки завертелись,
И чтобы время скоротать,
Решили осы поиграть.*

*Мы танцевали, песни пели,
Пластинки старые хрипели
Романсы тощие. Но вот
Настал питания черед.*

*О Эпикур! Что нам подали!
Клянусь юпитером, не ждали
Таких мы прелестей никак,
Давно не кушали мы так.*

Но что б вы думали, ребята?
Бананы? Дыни? Поросята?
Или соловьи язычки?
Нет. Но такие пирожки,
Что я их столько сразу съел,
Что моментально заболел.

А по Осе указ был дан,
И был суда составлен план,
И мы решили закусить,
А после суд учередить.

Иуда обо всем узнала,
Бежать решивши, тихо встала,
Но мы, увидев эти штуки,
Схватили все ее за руки:
Постой, милейшая Иуда!
Живой ты не уйдешь отсюда.

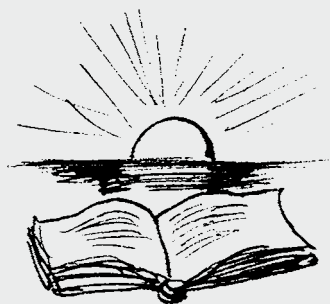

*Друзья, описывать не буду
Все чувства нашего Иуды.
Прав Данте Алигьери был,
Что ниже всех он поместил
Предателей в «Аду» своем.
Найдется нашей место в нем.*

* * *

*Прощайте, милые друзья,
На этом заключаю я.
Все изменилось с этих пор,
Умолк веселый разговор,
Менялись люди и года,
Теряясь в дали навсегда.*

Я рано получил прививку против культа Сталина. В школьные годы на тренировке в результате несчастного случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой «идейности» (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: «Ведь это религия!» В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик отца, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство. С годами догадка превращалась в убеждение, подкреплялась множеством наблюдений и, в конце концов, помогла пониманию огромной исторической трагедии, ставшей фоном юности моего поколения.

Именно в сталинское время на рынке, среди гвоздей и морских свинок, я нашел старые книги Владимира Соловьева, Сергея Булгакова и читал... с дрожью. В то время, когда не было ни самиздата, ни «тамиздата», когда в сфере философии печаталась только ахинея, которую нельзя было брать в руки, я открыл мир великих мыслителей...

В юности мы гонялись за книгами. Я школьником работал, ездил в Крымский заповедник, чтоб заработать на книги и приобрести их. Я начал собирать библиотеку, когда был еще в пятом классе.

В то время почти все храмы были закрыты, Лавра была почти закрыта (кроме двух церквей). Я черпал свое видение внутрицерковной картины из литературы, из поэзии, из того, что создавал Нестеров, из всего, что вокруг этого... Это видение не было основано на реальности. Представляете, Нестеров, Флоренский, Булгаков, Загорск... — создавалась легендарная картина, такой град Китеж, некое идеальное царство. Картина прекрасная, и она, конечно, отражала что-то идеальное в жизни Церкви. Но она не соответствовала реальности. Когда я увидел действительность ближе, я понял, что это все где-то в сердцах людей, и не надо искать этого на земле...

Еще лет в двенадцать прочел полные «Жития» и тогда же понял, что сейчас нужно иное изложение.

Особенно волновали меня проблемы евангельской истории...

Однажды в юности я пошел в Третьяковку, и мне попало несколько картин Поленова — художника, который написал серию эскизных картин из жизни Христа. Среди них была одна: «Благословение

Ученики 9-го класса (Александр стоит крайний справа)

Семейная фотография 1950 г. Слева направо сидят: Владимир Цуперфейн (брат Елены), Цецилия (вдова Ильи Василевского), Цецилия Цуперфейн, Елена Мень; стоят: Павел и Александр

детей». Я вспомнил виденную мною в Николо-Кузнецкой церкви на стене живопись «Благословение детей», где были изображены Христос в такой хламиде и дети — сияющие херувимчики, — ну, что-то такое сказочное, необычайно фантастичное, украшенное. А на картине Поленова — хижина с плоской крышей, белье висит, Христос, усталый, согнувшись, сидит на завалинке, и женщины робкие жмутся, ведут Ему за ручки детей. Я вдруг подумал, что так это происходило, именно так, без зримой помпы, без величия. Православные богословы для характеристики явления Христа употребляют даже специальный термин — они называют это «кенозис» (по-русски это слово можно перевести как «умаление», «уничижение»). Кенозис — это закопченное стекло, которое стоит между нашим глазом и солнцем: чтобы видеть солнце, надо смотреть в закопченное стекло. То же самое — когда Тайна Божия является нам: она должна настолько погасить, правильнее, «пригасить» свой свет, чтобы мы могли ее увидеть.

Александр в подмосковном лесу среди юных натуралистов
из ВООПа. 1951 г.